

Содержание

Книга первая. Сорока-воровка. Июнь-июль 1984 г.

1.	Заводная Птица во вторник Шесть пальцев и четыре груди	11
2.	Полнолуние и затмение солнца О лошадях, умирающих в конюшнях	35
3.	Шляпа Мальты Кано Цвет шербета, Аллен Гинзберг и крестonosцы	45
4.	Высокие башни и глубокие колодцы (или Вдали от Номонхана)	62
5.	Страсть к лимонным карамелькам Птица, которая не могла летать, и высохший колодец	75
6.	Кумико Окада и Нобору Ватая	90
7.	Счастливая химчистка На сцену выходит Крита Кано	108
8.	Длинная история Криты Кано Размышления о природе боли	116
9.	Острая потребность в электричестве и подземные водостоки Соображения Мэй Касахары по поводу париков	133
10.	Легкая рука Смерть в ванне Посланец с прощальным подарком	149
11.	Лейтенант Мамия Что получается из теплой грязи Туалетная вода	164
12.	Долгий рассказ лейтенанта Мамия (часть 1)	174
13.	Долгий рассказ лейтенанта Мамия (часть 2)	195

Книга вторая. Вещая птица. Июль — октябрь 1984 г.

1.	Максимально конкретный факт Тема аппетита в литературе	223
2.	Глава, в которой совсем нет хороших новостей	235
3.	Слово берет Нобору Ватая История про обезьян с дерьмового острова	248
4.	Необретенная благодать Проститутка в мыслях	260
5.	Как выглядят далекие города Вечный месяц Лестница закреплена	270
6.	Дело о наследстве Изучение медуз Нечто вроде отчужденности	279
7.	Воспоминания и разговоры о беременности Эмпирическое исследование боли	291
8.	Истоки желания В номере 208 Как проходят сквозь стену	304
9.	Колодец и звезды Куда исчезла лестница	312
10.	Мэй Касахара о смерти и эволюции Не от мира сего	321
11.	Муки голода Длинное письмо от Кумико Вещая птица	329
12.	Что я обнаружил, когда брился Что я обнаружил, когда проснулся	350
13.	Продолжение истории Криты Кано	364
14.	Новое «я» Криты Кано	377
15.	Подходящее имя Что сторело летним утром на растительном масле Неточная метафора	391
16.	Единственная неприятность в доме Мэй Касахары Размышления о желеобразном источнике тепла	407
17.	Самое простое дело Утонченная месть Что оказалось в чехле от гитары	421

18.	Весточка с Крита На краю мира Добрые вести дают о себе знать тихо	440
<i>Книга третья. Птицелов. Октябрь 1984 — декабрь 1985 г.</i>		
1.	Рассуждения Мэй Касахары	461
2.	Тайна дома с повешенными	465
3.	Заводная Птица зимой	470
4.	Пробуждение от спячки Еще одна визитная карточка Анонимность денег	481
5.	Что было ночью	488
6.	Я покупаю новую обувь Возвращение блудного кота	494
7.	Напряги извилины — и догадаешься (Рассуждения Мэй Касахары. Часть 2)	508
8.	Мускатный Орех и Корица	513
9.	В колодеце	525
10.	Операция «Зоопарк» (или Палачи поневоле)	531
11.	А теперь следующий вопрос (Рассуждения Мэй Касахары. Часть 3)	554
12.	Эта лопата настоящая или нет? (Что было ночью. Часть 2)	559
13.	Тайна исцеления госпожи М.	563
14.	Коротышка зажался «Так просто вы от меня не отделаетесь» Человек — не остров в океане	566
15.	Корица и его удивительный язык жестов Музыкальное приношение	580
16.	Может статься, что дороги дальше нет (Рассуждения Мэй Касахары. Часть 4)	591
17.	Тяготы и невзгоды брэнной жизни Волшебная лампа	596
18.	«Примерочная» Замена	603
19.	Глупая дочь жабообразных родителей (Рассуждения Мэй Касахары. Часть 5)	608
20.	Подземный лабиринт Две двери Корицы	613

21.	История Мускатного Ореха	621
22.	Тайна дома с повешенными. Часть 2	635
23.	Медузы со всего света Трансформация	639
24.	Как считали овец В центре замкнутого круга	649
25.	С желтого на красный Длинная рука из невидимой дали	661
26.	Вредоносная личность Созревший плод	668
27.	Треугольные уши Сани с колокольчиками	675
28.	Хроники Заводной Птицы № 8 (или Опять палачи поневоле)	677
29.	Корица: недостающие звенья	696
30.	Разве можно доверять такому дому? (Рассуждения Мэй Касахары. Часть 6)	701
31.	Опустевший дом Смена лошадей	706
32.	Хвост Мальты Кано Борис Живодер	719
33.	Исчезнувшая бита Возвращение «Сороки-воровки»	739
34.	Оставь фантазии другим (Продолжение рассказа о Борисе Живодере)	748
35.	Опасное место Люди перед телевизором Человек Пустое Место	762
36.	«Дружба прежних дней» Как развеять злые чары Мир, где по утрам звенят будильники	774
37.	Всего-навсего настоящий нож Давнее пророчество	785
38.	Рассказ об утиной братии Тень и слезы (Рассуждения Мэй Касахары. Часть 7)	794
39.	Два вида новостей Исчезнувшее без следа	800
40.	Хроники Заводной Птицы № 17 (Письмо Кумико)	807
41.	До свидания	811

Книга первая

Сорока-воровка

Июнь-июль 1984 г.

1

Заводная Птица во вторник *Шесть пальцев и четыре груди*

Когда зазвонил телефон, я варил на кухне спагетти, насвистывая увертюру из «Сороки-воровки» Россини, которую передавали по радио. Идеальная музыка для спагетти.

Я подумал, не послать ли звонок к черту: спагетти почти сварились, и Клаудио Аббадо подводил Лондонский симфонический оркестр к музыкальному апогею. Впрочем, пришлось сдаться: кто-нибудь из приятелей мог предлагать работу. Я убавил огонь на плите, зашел в гостиную и снял трубку.

— Удели мне десять минут, — сказала трубка женским голосом.

На голоса у меня память неплохая, но этот был незнаком.

— Извините? Кого вам нужно? — вежливо осведомился я.

— Тебя, конечно. Дай мне десять минут, и мы сможем понять друг друга. — Голос звучал низко, мягко — и в то же время тускло.

— Понять друг друга?

— Я имею в виду чувства.

Я заглянул на кухню. Спагетти кипели вовсю — из кастрюли валил пар. Аббадо продолжал командовать «Сорокой-воровкой».

— Извините, но я как раз готовлю спагетти. Не могли бы вы перезвонить позже?

— Спагетти?! — изумленно проговорила женщина. — Ты в пол-одиннадцатого утра варишь спагетти?

— Ну, тебя это не касается. — Я слегка обозлился и перешел на «ты». — Когда хочу — тогда и завтракаю.

— Пожалуй, верно. Хорошо, перезвоню, — сказала она. Прозвучало невыразительно и сухо. Удивительно, как легкая смена настроения влияет на оттенки человеческого голоса.

— Минуточку, — сказал я, не дав ей положить трубку. — Если ты что-нибудь продаешь, то сюда звонить бесполезно. Я сижу без работы, и мне не до покупок.

— Не беспокойся. Я знаю.

— Знаешь? Что ты знаешь?

— Что ты без работы. Мне это известно. Беги скорее, доваривай свои драгоценные спагетти.

— Послушай! Ты вообще... — Связь оборвалась на полуслове — как-то слишком резко.

Я обалдело смотрел на зажатую в руке трубку, пока не вспомнил про спагетти. Вернувшись на кухню, выключил газ и вывалил содержимое кастрюли в дуршлаг. Из-за этого звонка спагетти немного разварились, но это не смертельно. Я стал есть — и думать.

Понять друг друга? — повторял я, поглощая спагетти. Понять чувства друг друга за десять минут? О чем она? Может, просто кто-то решил пошутить? Или какой-нибудь новый трюк торговых агентов? В любом случае это не ко мне.

Вернувшись в гостиную, я устроился на диване с библиотечной книжкой, время от времени поглядывая на телефон. Что мы должны были понять друг о друге за десять минут? Что вообще два человека могут узнать друг о друге за десять минут? Подумать только: женщина, похоже, была чертовски уверена в этих десяти минутах — ведь это первым слетело у нее с языка. Будто девять минут — слишком мало, а одиннадцать — уже чересчур. Какая точность! Похоже на спагетти.

Читать расхотелось, и я решил погладить рубашки. Я всегда этим занимаюсь, когда в голове каша. Старая привычка. Операцию эту я строго разбиваю на двенадцать этапов — начинаю с внутренней стороны воротничка (№ 1) и заканчиваю

манжетой на левом рукаве (№ 12). Порядок всегда один и тот же, и за гладкой я веду отсчет операций. Иначе толку не будет.

Выгладив три штуки, я проверил, не осталось ли складок, и развесил рубашки. Едва я выключил утюг и убрал его в шкаф вместе с гладильной доской, в голове прояснилось.

Только я зашел на кухню выпить воды, как опять зазвонил телефон. Чуть помедлив, я все-таки решил поднять трубку. Если это та же самая женщина, скажу, что глажу, и на этом конец.

Но это была Кумико. Часы показывали полдвенадцатого.

— Как дела? — спросила она.

— Прекрасно.

— Чем занимаешься?

— Вот гладить закончил.

— Что-нибудь не так? — В ее голосе слышалось чуть заметное напряжение: она знала, в каком состоянии я обычно принимаюсь гладить.

— Да нет. Просто выгладил несколько рубашек. — Я уселся на стул и переложил трубку в другую руку. — Чего звонишь?

— Ты стихи умеешь писать?

— Стихи? — удивился я и подумал: стихи? Какие еще стихи?

— У меня знакомая в одном журнале... Это журнал для девушек. Им нужен человек — отбирать и править стихи, которые присылают в редакцию читательницы. Еще он должен каждый месяц писать короткое стихотворение на титул. За такую ерунду неплохо платят. И занят, конечно, не весь день. Могут подбрасывать еще что-нибудь на редактуру, если...

— Ерунда? — перебил ее я. — Погоди-ка. Мне нужно что-нибудь юридическое. С чего ты взяла, что я умею править стихи?

— Я думала, ты что-то писал, когда учился в школе.

— Писал, конечно. В стенгазету — какой класс выиграл в футбол или как физик свалился с лестницы и попал в боль-

ницу. В общем, всякую фигню. Но не стихи. Я не умею писать стихи.

— Но я ведь не о настоящих стихах говорю. Какие-нибудь бредни для школьников. Никто не требует, чтоб они вошли в литературу. Ты их сможешь сочинять с закрытыми глазами. Понятно?

— Послушай! Я просто не умею писать стихи — ни с открытыми глазами, ни с закрытыми. Никогда этим не занимался и не собираюсь, — отрезал я.

— Ладно, — вздохнула жена. — Но ведь по юридической части работу найти трудно.

— Знаю. Потому я и раскинул шупальца во все стороны. Скоро кто-нибудь должен ответить. Если не получится, снова буду соображать.

— Ну, как знаешь. Кстати, какой сегодня день?

Я задумался.

— Вторник?

— Тогда, может, сходишь в банк — заплатишь за газ и телефон?

— Схожу. Все равно идти надо. Собирался купить что-нибудь к ужину.

— Что хочешь готовить?

— Еще не знаю. В магазине что-нибудь придумаю.

— Ты подумай хорошенько, — сказала она серьезно. — Нечего так уж торопиться с работой.

Таких слов я никак не ожидал.

— Это почему? — Что сегодня за день такой? Все женщины мира взялись удивлять меня по телефону? — Страховка по безработице рано или поздно кончится. Не могу же я всю жизнь сидеть без дела.

— Правильно, но мне же повысили зарплату плюс разные подработки, сбережения... Вполне проживем, если не будем транжирить. Тебе надоело сидеть дома и заниматься хозяйством? Тебе не нравится?

— Не знаю, — честно ответил я. Я на самом деле не знал.

— Тогда сядь и как следует подумай, — сказала жена. — Кстати, кот вернулся?

Кот. Я совсем забыл про кота.

— Нет. Пока.

— Может, поищешь? Его уже неделю как нет.

Я уклончиво промычал и снова переложил трубку в другую руку.

— Почти наверняка шляется где-нибудь у пустого дома в конце дорожки. Там, где во дворе птица стоит. Я его там несколько раз видела.

— На дорожке? Когда это ты туда ходила? Раньше ты не говорила...

— Ой-ой! Надо бежать. Много работы. Не забудь про кота.

Раздались короткие гудки. Я снова посмотрел на трубку и положил ее на рычаг.

Интересно, зачем Кумико туда понесло? Наш дом от дорожки отгораживала стена из бетонных блоков. Лазить через нее не было никакого смысла.

Я сходил на кухню за водой, вышел на веранду — посмотреть, осталась ли в кошачьей миске еда. Кучка сардин лежала нетронутой с прошлого вечера. Кот не приходил. Я стоял на веранде и глядел на наш маленький сад в лучах раннего лета. Садик не из тех, что успокаивают душу. Солнце задерживалось там совсем ненадолго, поэтому земля всегда была черной и влажной. Из растений в углу водились лишь два-три кустика блеклых гортензий, а я не очень люблю эти цветы. По соседству торчало несколько деревьев, и оттуда раздавался механический крик какой-то птицы, напоминавший скрежет заводимой пружины. Бог знает, что это была за птица и как она выглядела, но Кумико прозвала ее Заводной Птицей. Каждый день Заводная Птица прилетала сюда и заводила пружину нашего тихого мирка.

Нужно было идти искать кота. Я всегда любил этих животных — и нашего кота тоже. Но коты живут своей, кошачь-

ей жизнью и притом весьма неглупы. Если кот пропал, значит, решил куда-то наведаться. Устанет, есть захочет и вернется домой. И все же надо пойти поискать его, чтобы Кумико была довольна. Все равно заняться больше нечем.

В начале апреля я ушел из юридической фирмы, где проработал довольно долго. Без особых причин — просто взял и ушел. Нельзя сказать, что работа мне не нравилась. Так, ничего особенного, но платили хорошо, и коллектив нормальный.

По правде сказать, в конторе я исполнял роль профессионального мальчишка на побегушках. Получалось, по-моему, здорово. Надо сказать, у меня настоящий талант для выполнения практических обязанностей. Я схватываю все на лету, действую энергично, никогда не жалею. Кроме того, я — реалист. Вот почему, когда я объявил, что хочу уйти, старший компаньон (это было адвокатское бюро типа «Отец и Сын», и он им управлял) даже предложил мне небольшую прибавку к жалованью.

Но я все-таки уволился — и не потому, что у меня были какие-то особые надежды или планы. Меньше всего мне хотелось, к примеру, снова запереться дома и готовиться к экзамену в коллегии адвокатов. Но оставаться в конторе и продолжать заниматься тем, чем занимался, я тоже не хотел. Если увольняться, то сейчас, решил я. Останься я на месте, это было бы на всю жизнь. В конце концов, мне уже тридцать.

За ужином я сказал Кумико, что собираюсь уйти с работы.

— Ясно, — только и ответила она и на какое-то время замолчала, хотя ясно совсем ничего не было.

Я тоже помалкивал, пока Кумико не добавила:

— Если ты решил уволиться, значит, так и надо. Это твоя жизнь, и можешь поступать так, как тебе хочется. — Сказав это, она стала выбирать палочками кости из рыбы и складывать их на край тарелки.

Жена прилично зарабатывала в журнале о здоровом питании, где была редактором. Кроме того, друзья из других

журналов время от времени подбрасывали ей заказы по оформлению — тоже совсем не лишний доход. (В колледже она занималась дизайном и мечтала стать свободным художником-иллюстратором.) Вдобавок, уйди я из фирмы, у меня тоже какое-то время оставались бы деньги из страховки по безработице. То есть, даже если бы я сидел дома на хозяйстве, нам все равно хватило бы на еду, химчистку и другие траты, и наша жизнь мало бы изменилась.

Так я бросил работу.

Я загружал в холодильник купленные продукты, когда раздался звонок. На этот раз аппарат трезвонил нетерпеливо и раздраженно. Я как раз открывал пластиковую упаковку тофу¹. Положил ее на стол, зашел в гостиную и снял трубку.

— Ну как? Доел спагетти? — сказала женщина.

— Доел. Но сейчас мне надо идти искать кота.

— Десять минут подождет, я уверена. Это не спагетти варить.

Я почему-то не мог прервать разговор — что-то в голосе женщины меня притягивало.

— Ну, хорошо. Но только десять минут.

— Теперь мы сможем понять друг друга, — тихо произнесла она. Я почувствовал, как она удобнее устроилась на стуле и положила ногу на ногу.

— Интересно, — сказал я, — почему именно десять минут?

— Десять минут... это может оказаться дольше, чем ты думаешь.

— Ты уверена, что мы знакомы?

— Конечно. Мы много раз встречались.

— Когда? Где?

— Неважно. Если в это углубляться, десяти минут не хватит. Важно время, в котором мы сейчас. Настоящее. Ты не согласен?

1 Соевый творог, широко применяемый в кухне Японии, Китая и других дальневосточных стран. *Здесь и далее — прим. перев.*

— Может, и так. Но я хотел бы убедиться, что ты меня знаешь.

— Какие доказательства тебе нужны?

— Например, сколько мне лет?

— Тридцать, — сразу отозвалась она. — Тридцать лет и два месяца. Хватит?

Поразительно — она действительно меня знает, но я совершенно не помню ее голоса.

— Теперь твоя очередь, — произнесла она вкрадчиво. — Попробуй вообразить меня. По голосу. Представь, какая я. Сколько мне лет. Где я сейчас. Как одета. Ну, давай?

— Понятия не имею.

— Давай же. Напрягись.

Я взглянул на часы. Прошла только минута и пять секунд.

— Абсолютно не представляю, — снова сказал я.

— Давай, я тебе помогу. Я — в постели. Только что из душа, и на мне ничего нет.

Блеск! Секс по телефону.

— Или ты предпочитаешь, чтобы я что-нибудь надела? Кружева? Или чулки? На тебя это подействует?

— Да какая мне разница? Делай что хочешь. Можешь надеть что-нибудь, а хочешь — валяй голышом. Извини, но такие телефонные игры меня не интересуют. У меня масса дел и...

— Десять минут. Ты же не умрешь, если потратишь на меня десять минут? Только ответь на мой вопрос: ты хочешь, чтобы я была голая, или мне что-нибудь надеть? У меня много разных вещей. Черное кружевное белье...

— Давай голышом. Согласен. — Прошло четыре минуты.

— Волосы у меня на лобке еще мокрые, — продолжала она. — Я еще не обсохла как следует. О-о! Как у меня там влажно! Тепло и очень влажно. Волоски такие мягкие. Черные и изумительно мягкие. Хочешь погладить?

— Послушай, ты, конечно, извини, но...

— И ниже. Еще ниже. Там тоже тепло — совсем как подогретый крем. Очень тепло. М-м-м. В какой я сейчас позе, как ты думаешь? Правое колено приподнято, левая нога в сторону. Как стрелки часов, когда показывают десять ноль пять.

По ее голосу я понимал, что она не притворится. Она действительно раскинула ноги на 10.05; ее влагиалище было мягким и сочным.

— Потрогай губки. М-е-едленно. А теперь раскрой их. Вот так. М-е-едленно, м-е-едлен-н-но. Пусть твои пальцы ласкают их. Вот так! О-о-очень медленно. А теперь коснись другой рукой моей левой груди. Поиграй с ней. Поласкай. Веди руку выше. Сожми легонько сосок. Еще раз. Еще. И еще. Я сейчас кончу.

Ни слова не говоря, я положил трубку. Вытянувшись на диване, уставился на часы и глубоко вздохнул. Разговор занял минут пять-шесть.

Через десять минут телефон зазвонил снова, но я не притронулся к трубке. Прозвонив пятнадцать раз, аппарат смолк, и в комнате наступила глубокая, холодная тишина.

Без чего-то два я перелез через стену в нашем дворе и оказался на дорожке. Мы так называли ее, хотя это не была дорожка в прямом смысле. Наверное, нет слова, которым можно обозначить, что это такое. К дорогам оно точно не имеет отношения: у дороги есть начало и конец, она приведет вас куда надо, если вы по ней пойдете. А у нашей дорожки не было ни начала, ни конца, ни входа, ни выхода. С обеих сторон она заканчивалась тупиками. Но даже тупиком ее нельзя было назвать: у тупика имеется хотя бы вход. Соседи для удобства называли ее просто дорожкой. Длиною метров в триста, она разделяла задние дворы стоявших вдоль нее домов. Ширинной около метра, а в нескольких местах вообще завалена хламом и перегороджена заборами.

Мой дядя, почти задаром сдавший нам этот дом, рассказывал, что когда-то дорожка имела два конца и служила пе-